

метра, на неё накатывалась платформа, на платформу устанавливался станок, потом «люлька», потом тело орудия, и всё это делалось при помощи гидравлических домкратов.

К орудию прокладывались узкоколейные рельсовые пути, по которым на специальной тележке подавались снаряды: «большие гранаты» весом 18 пудов и «малые гранаты» весом 12 пудов, соответственно почти 300 кг и 200 кг. Стоимость одного выстрела в то время приравнивалась к стоимости трактора ЧТЗ.

Нам рассказывали, что в Финскую кампанию 39-40 года, чтобы разрушить любой финский ДОТ (долговременную огневую точку) достаточно было четыре прямых попадания снаряда и 15-ти сантиметровый стальной колпак и 2-х метровая бетонная стена были разбиты. Правда, чтобы получить 4 прямых попадания расходовалось до 60 выстрелов...

За время службы в Коростене мы несколько раз ездили на стрельбище на Игнатпольский артполигон, что в 30 километрах севернее города, один раз с боевыми стрельбами. Мы проходили эти тридцать километров с одним привалом посередине пути, где был глубокий каменный карьер. Там, под усиленной охраной, работали военнопленные польские офицеры. Глубоко внизу, на самом дне, они дробили камень, а наверху, по краям карьера, находилась охрана. Близко подходить к карьеру и общаться с ними нам запрещалось. Передохнув полчаса, мы шагали дальше.

Как ни странно, но вместе со мной служили и солдаты с дефектами зрения и здоровья. У Погорелова была такая близорукость, что когда он писал письмо, то нос вымазывал в чернила (очки ему выдали только через полгода службы). Беляев страдал косоглазием, а грузин Палавандишвили - плоскостопием, Леня Экслер сильно заикался, Борис